

АНТИЧНАЯ

V в. до н. э. IV в. до н. э.

ДОСОКРАТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Пифагор, Гераклит, Парменид,
Протагор, Демокрит и др.

ПЕРИОД ВЫСОКОГО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА

Сократ, Платон,
Аристотель и др.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

ГЕРАКЛИТ

(ок. 535 г. до н. э. —
ок. 483 г. до н. э.)

«О природе»

ПЛАТОН

(между 429 и 427 г. до н. э. —
347 г. до н. э.)

«Государство»

АРИСТОТЕЛЬ

(384 г. до н. э. — 322 г. до н. э.)

«Политика»

СОКРАТ

(470/469 г. до н. э. — 399 г. до н. э.)

. V XV ВЕКА

ФИЛОСОФИЯ
ЭПОХИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

XIV XVI ВЕКА

ФИЛОСОФИЯ
ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

XVII XVIII ВЕКА

ФИЛОСОФИЯ
НАЧАЛА НОВОГО
ВРЕМЕНИ

ФИЛОСОФИЯ

..... 323–30 гг. до н.э. • 30 г. до н.э. – 529 г. н.э.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ

РИМСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ

Пиррон, Эпикур, Цицерон, Марк Аврелий,
Плотин и др.

ДРЕВНЯЯ ИТАЛИЯ

ЦИЦЕРОН

(106 г. до н. э. — 43 г. до н. э.)

«Тускуланские
беседы»

СЕНЕКА

(4 г. до н. э. — 65 г. н. э.)

«Нравственные
письма
к Луцилию»

ЭПИКТЕТ

(ок. 50 г. н. э. — 135 г. н. э.)

«Беседы»

МАРК АВРЕЛИЙ

(121 г. н. э. — 180 г. н. э.)

«Наедине с собой»

XVIII ВЕК

XVIII ••• XIX ВЕКА

XIX ВЕК •••••

ФИЛОСОФИЯ
ЭПОХИ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

НЕМЕЦКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ

СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОСОФИЯ

ОРАТОР КАК ФИЛОСОФ

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) — для нас нарицательное имя блестящего оратора и политика. Но если бы Цицерон был только красноречивым политиком, то его бы вряд ли помнили в наши дни, а его помнят даже те, кто редко задумывается о Риме, о его истории и о судьбах его поэтов, ораторов и философов. Просто как политик он был образцовым в своей гражданской доблести: он показывал, каким должен быть человек, ставящий благо и процветание граждан выше любых собственных интересов. Поэтому всякий современный государственный деятель, в какой бы стране он (или она) ни жил, продолжает дело Цицерона, если стремится к справедливости и воспитанию в гражданах мужества и ответственности. А кто желает, чтобы личное счастье не противоречило общественному, а, напротив, вносило в него вклад — тот непременно должен раскрыть книги Цицерона.

Цицерон происходил из рода знатного, но не особо славного: само прозвище означает всего лишь Горошина, вероятно, из-за формы носа одного из предков. Отец Марка Туллия был слаб здоровьем и потому, несмотря на выдающиеся способности, не смог сделать политическую карьеру. С детства будущий великий ритор понимал, что не может опираться ни на влияние родственников, ни на авторитет предков, ни на победы самых близких людей в сражениях. Чтобы послужить Риму, чтобы содействовать его славе, в лучах которой только и можно обрести собственную славу, надлежало действовать самому.

Когда Марку Туллию исполнилось 15 лет, его отец переехал из небольшого городка под Римом в сам Вечный город, что позволило юноше приобретать блестящее образование: он брал уроки у лучших риторов и философов. Молодой Цицерон понимал, что одних уроков недостаточно: нужно участвовать в дискуссиях кружков, понимать аргументы разных философских школ и уметь спорить с философами и вообще самыми учеными людьми.

Цицерон вскоре стал успешным адвокатом, но его больше интересовала не слава блистательного победителя в суде, но размышления о том, на чем держится благополучие Рима. Он понял, что Рим имеет все возможности и дальше расширяться,

побеждать, поддерживать себя как мировую державу. Для Цицерона залогом такого торжества его государства над миром были сложная политическая система сдержек и противовесов, соединения разных форм и традиций власти и, конечно же, старые добрые нравы римских граждан, благодаря которым они принимают взвешенные и осмотрительные решения. На каждую свою речь Цицерон смотрел как на урок благоразумия для всех сограждан.

Когда Цицерон начинал свою философскую деятельность, в Риме было две основных влиятельных школы, пришедших из Греции вместе с заезжими греческими интеллектуалами и подкрепленных переводами модной греческой литературы: эпикурейцы и стоики. Эпикурейцы учили частному тихому счастью, и это была легкая популярная философия, вроде нынешних массовых книжек о том, как избегать конфликтов и найти цель в жизни. Стоики, наоборот, требовали гражданского мужества, терпения, выдержки, перенесения боли, и поэтому к стоицизму склонялись самые добродетельные люди Рима.

Распространению философии способствовал созданный полководцем Сципионом Африканским интеллектуальный кружок, и хотя Сципион умер еще до рождения Цицерона, тот прекрасно понимал причины влияния этого кружка и выводил его участников как героев своих диалогов, как незримых собеседников для своих современников. Цицерону были важны также идеи Платона, создателя школы академиков, и Аристотеля, создателя школы перипатетиков, и та форма диалога, которую пестовали эти два великих философа. Хотя Цицерон критиковал многие мысли Платона и Аристотеля, он ценил их мастерство создания диалогов, диалектических рассуждений по любым предметам и считал, что римская философия получит настоящее развитие, если соединит диалектику двух самых почтенных греческих философов с мужественной этикой стоицизма.

Политическая карьера стала во многом продолжением риторической карьеры Цицерона, в частности, речей против Верреса, римского чиновника, пойманного на злоупотреблениях. Цицерон получил титул «отца отечества» за разоблачение заговора Катилины. Но государственная деятельность не оставляла места для занятий философией: слишком со многими приходи-

лось спорить, слишком многим противостоять, не говоря уже об организаторских заботах.

Победа триумvirата Цезаря, Помпея и Красса в 60 г. до н.э. и сворачивание республиканских институтов тяжело переживались Цицероном. Он начал отходить от политики, хотя иногда выступал как адвокат, и постепенно обратился в основном к литературной деятельности. Он решил обучать ораторов и граждан не только устным, но и письменным словом — для первой цели создавал риторические, а для второй — философские трактаты. Интересующие нас сочинения Цицерона написаны в форме диалогов: это была лучшая форма разговорной речи на письме, учившая формулировать мысли на ходу и сразу делать их общезначимыми.

Если в Греции философию и риторику часто противопоставляли, потому что философия служит истине, а риторика — только мнению, то для Цицерона они — две стороны одного гражданского дела. Философия объясняет, почему гражданин должен быть добродетельным, а риторика показывает, что даже один гражданин может стать убедительным для всех сограждан. Соединить философию и риторику значило для Цицерона спасти республику — сделать так, чтобы голос добродетельных республиканцев был услышан, а их нравственность послужила примером всем будущим поколениям.

К несчастью, Цицерон потерпел политическое поражение и был убит. Но и превратившись из республики в империю, Рим сохранил благоговение перед философией. Ее серьезно изучали поэты, например, Гораций, и императоры, в частности, Марк Аврелий. Если бы Цицерон не сделал философию убедительной и восхищающей душу, она бы отошла в прошлое, как многочисленные политические или литературные кружки. Но воспеть «всё» или править «всем» — это и означало для римлянина быть философом. А дальше в истории, вплоть до наших дней, это философское чувство хотя бы немного испытывают все, кто считает себя гражданами: они действуют смело и вдохновенно и поэтому умеют делать свою страну лучше даже в самых сложных обстоятельствах.

Настоящий сборник состоит из трех частей. В первую включены отрывки из риторических трудов Цицерона, показывающие, какими качествами должен обладать оратор. В этих трудах обосновываются умеренность, выдержка и внимание как

философские добродетели, показывается, что умение владеть словом — результат не только выразительности речи и манеры, но и самообладания, внутренней работы над собой. Во вторую часть включены фрагменты из политических сочинений, в которых Цицерон раскрывает природу государства и законов. Наконец, в третьей части приведены полностью три из пяти Тускуланских бесед — размышлений о важнейших философских вопросах, таких как смерть, боль и страдание. Для Цицерона это гражданские вопросы — как остаться доблестным, славным и счастливым перед лицом смерти и тем самым обрести как бессмертие души, так и гражданское бессмертие.

Составитель благодарит знатоков античной философии Марину Николаевну Вольф и Ольгу Викторовну Бартошевич-Жагель за многообразную поддержку в ходе создания этой хрестоматии.

*Александр Марков
профессор РГГУ и ВлГУ*

**Из РИТОРИЧЕСКИХ
ТРАКТАТОВ**

*Перевод Ф.Ф. Зелинского, В.А. Алексева
и М.Л. Гаспарова*

О НАИЛУЧШЕМ ВИДЕ ОРАТОРОВ

Ораторов разделяют на категории так же, как и поэтов; это сопоставление, однако, неправильно. Поэзия действительно разнородна: и трагедия, и комедия, и эпос, и мелическая лирика, и дифирамб — все они обладают своими особыми свойствами, отличающими их от других; так в трагедии комические элементы считаются ошибками, в комедии — трагические, да и в остальных разновидностях есть свой определенный стиль, свои известные сведущим людям приметы.

Категории — в оригинале «роды», Цицерон говорит о частом в его времени делении ораторов на разряды в зависимости от преобладающей стилистики в речах. Стиль понимался в риторической культуре как соответствующий предмету, более того, изобретающий предмет: о высоком предмете лучше говорить высоким слогом, и сам он тогда будет выглядеть высоким, о грубых вещах — грубым слогом и т.д. Но в массовом восприятии, против которого возражает здесь Цицерон, эти свойства могли переноситься на самого оратора, как мы часто ошибочно представляем актера и в жизни в его актерском амплуа или столь же ошибочно полагаем счастливой жизнь писателя, пишущего о счастливых событиях.

Мелика — способ исполнения лирического произведения: например, сольное или хоровое исполнение. Последнее требовало участия нескольких музыкантов, с разными инструментами — одни инструменты задавали ритм, а другие — определяли движение мелодии. Можно условно сопоставить сольную лирику с нашим романсом, а хоровую — с рок-поэзией.

Дифирамб — песнь в честь Диониса, торжественная хоровая песнь на несколько голосов. Цицерон выделяет ее в отдельный вид, вероятно, из-за сложного строения, включавшего разные песенные партии, что сближало дифирамб с трагедией.

Приметы — буквально: «голос», то есть обусловленное литературным жанром музыкальное решение, по которому мы узнаем жанр с самых первых звуков.

Если же кто и ораторов разделяет на несколько разрядов, объявляя одних «возвышенными», или «величавыми», или «богатыми», других — «простыми», или «тонкими», или «немногословными», третьих — «средними» между теми и другими — то он дает этим скорее характеристику представителей, чем самих родов красноречия. Действительно, рассуждая о роде, мы имеем в виду идеал; говоря о представителе, мы берем его, каков он есть. Так в эпосе мы можем исходить от его главы — если кто считает его таковым — Энния, в трагедии — от Пакувия, в комедии — скажем, от Цецилия.

Идеал — буквально: «лучшее». Цицерон часто настаивает, что в каждом роде есть некий идеальный тип. Его можно сконструировать, созерцая лучшее в вещах такого рода. В частности, обосновывая риторическое «изобретение», то есть нахождение лучшего предмета для речи, Цицерон вспоминал древнегреческого живописца Зевксиды. Ему для создания портрета Елены Троянской понадобилась не одна модель, а несколько, и только тогда он смог воссоздать предполагаемый облик Елены. Этот анекдот о Зевксиде стал хрестоматийным и до сих пор влияет на представление о художественной литературе как выводящей «типы», «типажи».

Глава — буквально: «вершина», общее для античной риторики и истории литературы представление, что основатель жанра является его законодателем, классиком. Цицерон называет римских основателей этого жанра. Он оспаривал этот тезис применительно не только к ораторам, но и к поэтам, предполагая, что до Гомера были другие поэты, он замечал, что «не бывает ничего одновременно новоизобретенным и уже совершенным».

Ораторское же искусство я не стану разбивать на разряды, если мне нужен его идеал. Идеал его один; кто от него отдаляется, тот отличается от него не родом, как Теренций от Акция, а степенью внутри одного и того же рода. Идеальный оратор — тот, кто в своей речи и поучает слушателей, и доставляет им наслаждение, и подчи-

няет себе их волю; первое — его долг, второе — залог его популярности, третье — необходимое условие успеха.

Если поучение и наслаждение приписывались и канонической письменной речи (по крылатому выражению Горация, «смешивать приятное с полезным»), то третье качество, причинение возбуждения, требовало исполнения, перформанса. Весьма трудно передать это *moveo* (буквально: «двигать, двигаю»), одним русским словом: можно сказать и «трогать», как мы говорим о «трогательном рассказе», и «возбуждать», как мы говорим «возбуждать интерес», и «толкать» или «влечь», как мы говорим «дает толчок» или «увлекательный, привлекательный, влекущий». В любом случае речь идет не о провоцировании поступка, но об определенном душевном расположении, в том числе для совершения поступков и для размышлений.

К этому идеалу иной приближается более, другой менее; но это различие количественное, а не качественное. Идеал, повторяю, один; степенью сходства с ним определяется и близость к нему отдельных представителей; отсюда видно, что чем менее кто с ним схож, тем он хуже.

Учение о совершенстве в искусстве как приближении к заранее данному идеалу менее всего похоже на тот поиск оригинальности и необычности, которым славится античная эстетика. Но заметим, что для Цицерона единственность идеального образа оратора означает, что мы имеем право говорить об ораторском искусстве как едином роде деятельности, независимо от тематики или стилистики. Такой идеал — своего рода аксиома, от которой мы отсчитываем степени совершенства ораторов, но эту аксиому никогда не развертываем и не характеризуем — она служит инструментом характеристик, но не предметом.

Объяснюсь точнее. Так как речь составляют слова и мысли, оратор первым делом должен стремиться к тому, чтобы — говоря вообще чистым и правильным языком, что мы и разумеем под своим требованием «латинской» речи — изящно уметь обращаться со слова-

ми, как в их прямом, так и в их переносном значении, а именно: из прямых выбирать наиболее подходящие, из переносных — те, которые представляют наиболее точек соприкосновения, соблюдая притом меру при заимствованиях из чуждых областей.

Требование избегать сложных, напыщенных метафор, выдвинутое еще в «Поэтике» и «Риторике» Аристотеля и затем воспроизводившееся в любых риторических пособиях, дополнено требованием уместно употреблять слова в прямом значении, иначе говоря, выбирать из нескольких синонимов наиболее подходящий: стилистические задачи смыкаются здесь со смысловыми. «Изячно» — латинское слово *eleganter* — означает не столько «элегантно» в привычном нам смысле, сколько «отборно», отобрав самые полновесные и потому убедительные слова.

Мыслей же столько же родов, сколько и достоинств в красноречии: для поучения требуются мысли меткие, для доставления удовольствия — остроумные, для убеждения — веские. Затем, и чередование слов подчинено особым законам, цель которых двойная, ритм и благозвучие, — и мысли должны следовать друг за другом в особом порядке, именно том, который нужен для доказательства данного положения. Фундаментом всего этого мы должны признать память, сверкающей верхушкой — исполнение. Итак, вот что я хочу сказать.

Благозвучие — буквально: «легкость», способность текста легко восприниматься на слух.

Память и исполнение — четвертый и пятый этапы работы оратора, после «изобретения» (поиска подходящих аргументов), «расположения» (поиска нужных композиционных решений) и «произнесения» (пробного исполнения, которое позволяло найти нужный ритм и тон речи). Сверкающая верхушка (*lumen*) — образ яркого дня, противопоставленный фундаменту, лежащему в темной земле.

Кто всеми указанными средствами располагает в наивысшей степени, тот будет совершенным оратором; кто в средней — посредственным, кто в низшей — дурным. Но ораторами они будут все, так же, как и живописцами мы называем и плохих представителей этого искусства, и отличаются они друг от друга не своими специальностями, а степенью своего таланта.

Степень таланта — буквально: «работоспособность, способность легко что-либо сделать», *facultas*, что, скорее, ближе к нашему «профессионализму».

И вот причина, почему нет оратора, который не желал бы быть похожим на Демосфена; напротив, Менандр не желал походить на Гомера — условия его поэзии были другие. Вот именно этого качественного различия в ораторском искусстве нет; если же и встре-

чается, что один в погоне за величавостью пренебрегает тонкостью, другой ради меткости жертвует красивым слогом — то это встречается только на средней, а не на высшей ступени. Высшая же ступень принадлежит тому, кто все достоинства в себе совмещает.

Менандр (342–291 до н.э.) — крупнейший представитель «новой аттической комедии» — бытовой, в отличие от политической Аристофана. Цицерон для убедительности берет представителей двух наиболее непохожих литературных жанров (в оригинале — не «условия», а «род»).

Все это изложено мною в более кратком виде, чем этого требовала тема, но для моей ближайшей цели и сказанного достаточно. Мы установили, что идеал один; теперь спрашивается, где его искать. Отвечаю: в том красноречии, которое процветало некогда в Афинах. Но в том-то и дело, что аттические ораторы знакомы людям гораздо более по своей славе, чем по своей силе: отсутствие у них недостатков замечено многими, многочисленность же достоинств — мало кем. Под недостатками мы разумеем: по отношению к мысли — логическую превратность, отсутствие связи с делом, недостаточную меткость, привкус пошлости; по отношению к словам — испорченность, вульгарность, несвойственность, жесткость, чрезмерную изысканность.

Сила (vis) — примерно соответствует нашему выражению «раскрытие таланта». Цицерон имеет в виду, что афинских ораторов (Аттика — область вокруг Афин) все ценят за безупречность речи как образец хорошего стиля речи или письма, но при этом мало кто понимает, в чем их особый талант.

Привкус пошлости — буквально: «некоторая пресность», отсутствие остроумия, однообразие без требуемой иронии и шуток, скучное и претенциозное изложение.

Чрезмерную изысканность — буквально: «слишком долгую обработку», отсутствие некоторой небрежности считалось дурным вкусом.
